

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Извас Фрай

Гранд Опера

Извас Фрай Гранд Опера́

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56589755

SelfPub; 2020

Аннотация

Безработный Аргентина находит должность в колл-центре. Там же он находит любовь, желание жить и веру в себя. Содержит нецензурную брань.

У меня нет ничего своего в этом мире: ни надежд, ни желаний, ни целей. Всё, что у меня есть – это мой голос – сомнительное счастье и достоинство. И снарядив таким небогатым комплектом, меня вышвыривают с небес; и я оказываюсь здесь. И теперь, я должен жить, не имея ни малейшего понятия для чего.

Моим первым воспоминанием о том утра было то, что я сидел на стуле с чашкой холодного кофе в руках и даже не моргал. Мои уставшие глаза были широко раскрыты – они смотрели на кучу лежащих кто на полу, кто на диване в обнимку, людей: их было шестеро или семеро. Может больше, может меньше. Я их не считал. Но знал: все, кто были там тогда – были моими лучшими друзьями. Скажи, кто твой друг и я скажу, кто ты – ну вот, смотри.

То, что происходило вечером и позже ночью – мне уже не вспомнить никогда. Наверное, было что-то весёлое. Возможно даже такое, что следовало бы запомнить. Но сейчас – уже ничего не важно.

Я не помню, как поднялся с пола. Не помню, как перешагивал через кучу своих пьяных друзей. Я не помню даже: я сделал этот кофе себе сам или он всегда был в моей руке? Ложился ли я сегодня спать или провёл всю ночь, сидя на стуле с этой чашкой в руках, чтобы наблюдать за тем, что всё равно на следующий день забуду?

Мучить себя вопросами – это роскошь для тех, кто оставил настоящие проблемы позади. Когда я осознал, где я на-

хожусь и что я здесь делаю – меня интересовали и заботили совершенно другие вещи.

Квартира, вроде, была моя; но это не совсем точно. Голые грязные стены, бедная мебель и духота, низкие потолки – всё напоминало мне мой родной дом.

Первым, кто пришел в себя, был мой лучший друг. Благодаря ему я вышел из ступора. Он позвал меня курить на балкон, взял на руки и поставил на ноги. Пока он проделывал всё это, ему приспичило излить мне свои жалобы по поводу непрекращающейся головной боли. Знал бы он, что это – самая меньшая из проблем, что могли у него возникнуть.

По пути к месту для курящих, я заметил, что находимся мы всё же в моей квартире. Вчера вечером, само собой, я никого к себе не звал. Но моим друзьям – приглашение и не требуется. Они могут прийти в любую минуту и устроить дикую пьянку со всеми вытекающими из неё последствиями. Мне всё равно: в квартире и так не осталось ничего, что можно было разбить не без боли в сердце. Всё, что осталось – так это время, которое и нужно было разбить – всеми имеющимися силами и доступными средствами. Так я и дошел до того, что больше всего на свете стал презирать время.

Мой лучший друг сказал:

– Ты выглядишь совсем плохо.

И добавил:

– Что: жизнь, хоть за буй держись, верно?

– Тут подошла бы лучше другая буква.

– И я о том же.

Человек, теряющий сокровенное – теряет всё. А если у меня никогда и не было ничего сокровенного?! Что, если вся жизнь прошла на пустые игры в гляделки с чёрным солнцем?!

– Если честно, то я знаю, что тебе делать.

А что ещё я могу сделать?! Пить жирный кофе со вкусом моющего средства и дымить сигаретами со вкусом слякоти; просаживать родительские деньги. Если мне не хватало чувства реальности, он всегда приходил ко мне на выручку – у него приземлённости хватало на двоих.

– У меня есть для тебя предложение. Если хочешь вылезти из всего этого дерьма и начать взрослую жизнь – рекомендую тебе согласиться.

– Ты же знаешь: я в любом случае слушаю тебя внимательно.

Терять всё равно нечего. К тому же, его предложение может оказаться даже весьма интересным – иногда бывает и такое.

– Работа, – сказал он, вдавливая окурок в чёрное пятно на балконе – настоящее кладбище для курева, – она вытрахнет из тебя всё дерьмо.

– Если ты снова хочешь, что бы я торговал наркотой...

– А ну тихо ты. Никогда я тебе такого даже не предлагал – чего выдумываешь?!

– С меня хватило прошлого раза.

– Ладно-ладно, успокойся, ничего такого я предлагать тебе и не стал бы. Это совершенно легальная и вполне достойная работа. Сам был там, хоть и не долго. Вот, что скажу тебе, дорогуша: работа хоть и не пыльная, зато закаляет дух. В этом можешь на меня положиться.

– А что за работа-то?

– Оператор, – похлопал он меня по плечу, – в колл-центре.

– Ты это серьёзно?! Шутишь, что ли?

– А что такое?! Голос у тебя отличный – вон, сколько лет с таким образом жизни, а он всё равно в форме. Я уверен, у тебя всё получится. К тому же, тебе ведь нужны деньги, верно? Вон там и подымишься – хорошие операторы знаешь, сколько получают, а?

– Не знаю. Что-то не нравится мне это. Скучно звучит. Да и работа это не мужская.

– А какая, по-твоему, мужская? Грузчик? Они тоже получают неплохо, но очень сомневаюсь, что ты справишься. Ещё какая? Сварщик? Сантехник? В этих делах опыт нужен – да и баб там нынче больше, чем мужиков. Вот, что я тебе скажу: решать, конечно же, тебе. Но если подумаешь хорошенько над моим предложением – ты поймёшь, что лучших вариант. Если решишься, то приходи послезавтра к торговому центру напротив твоего дома к десяти утра. Как видишь, тебе и до работы недалеко – несколько минут пешком. В десять часов послезавтра – запомни. Телефон босса я тебе сегодня вечером скину. Приходи, не пожалеешь. А пока: тебе

лучше отоспаться. Прости, мне уже нужно бежать. Пока.

И он ушел, не успел я и глазом моргнуть. Наверное, потому что я и вовсе не моргал. Необычное принёс он мне предложение. Хотя, не более странное, чем всё, что в последнее время происходит вокруг меня. Может быть, действительно, работа пошла бы мне на пользу? Расставляю всё по полочкам, начну организовывать своё время; да и денег поднять было бы не плохо. Я подумаю над этим чуть позже – не раньше, чем проснусь. Меня резко потянуло в сон. Я упал прямо там – на балконе. И мир вокруг надолго исчез...

В десять утра в назначенный день на обусловленном месте так никто и не появился. Я стал звонить на номер, который дал мне этот чудак. Спустя длинную череду гудков, мне ответил приятный голос молодой девушки:

– Да?

– Алло, это Олег? – и кто вечно меня за язык тянет?! Это, скорее всего, мой новый (будущий) босс, раз на то дело пошло.

– Нет.

– А Олега рядом с вами случайно нет?

– Смотря, что вы имеете в виду. Вокруг меня много кто есть, но вряд ли среди них находится тот Олег, что нужен вам.

– Понял. Может быть, я ошибся номером. Сейчас попробую ещё раз. Извините.

– Да ничего страшного.

Набрал ещё раз – цифра в цифру этот же номер. И услышал уже знакомый мне голос своего нового босса. С таким интеллектом – мне действительно работать только оператором в колл-центре. Неплохо будет, даже если они наймут меня для того, чтобы я кнопки в лифте нажимал; или воду в кулере менял.

– И, всё-таки, я правильно набрал номер. Скажите, это вы должны были встретить меня у входа в торговый центр в десять утра?

– Да, всё верно. Только вот на десять у меня никак не получается. Вы можете подождать немного? До двадцати минут одиннадцатого.

Время, время. Чего оно так стоит? Пока ждал, я решил выпить кофе из киоска напротив. Он был дорогим, свежим и вкусным; совсем не как тот жирный кофе со вкусом моющего средства, который я готовлю себе дома.

Я ждал её до половины одиннадцатого. А затем, она появилась вместе с каким-то парнем. Они оба достали по неприлично тонкой сигарете, бросив в мою сторону:

– Можете подыматься на третий этаж и ожидать.

– Знаете, лучше я всё-таки вас здесь подожду. Как раз и проведём собеседование.

Я достал свою пачку. Парень, что был вместе с ней, рассмеялся:

– А ты хорош.

– Ладно. Можешь оставаться здесь с нами. У тебя есть за-

жигалка.

Дав обоим по огоньку, я затянулся своим марвелом и сказал:

– Так, раз мы здесь так дружно стоим, может, проведём собеседование?

– Ладно, – сказала она, выдыхая дым, – тебя ведь Олег прислал, верно? Как тебя зовут?

– Аргентина.

– Серьёзно.

– Да. Меня зовут Аргентина. И не спрашивайте о чувстве юмора моих родителей.

– Ладно, Аргентина. А фамилия?

– Миллер. Два «л».

– Всё ясно. Смотри, Аргентина Миллер, чтобы у нас работать, ты должен пройти три дня обучения и небольшую стажировку. На обучение можешь приходить завтра на три часа, тебе всё расскажут. Но чтобы ты с самого начала понимал, на что идёшь, я скажу тебе пару вещей.

Она бросила окурочку на асфальт и принялась показывать на пальцах:

– Зарплату за час работы ты можешь получить в размере от 18 до 35 – всё зависит от того, сколько согласий ты сделаешь в час. В месяц ты должен отработать минимум сто часов или доработать их в следующем месяце, иначе зарплату не получишь. Выходные можешь брать когда угодно; главное: мне позвони за пару дней до этого. Всё ясно?

– Вполне, – улыбнулся я.

– Тогда, я тебя здесь больше не держу. Приходи завтра к трём часам – пройдёшь трёхдневное обучение вместе с остальными. Пройдёшь экзамен. И тогда, мы снова встретимся.

– Отлично. А как я могу к вам обращаться?

– Я – Эльмира. А этот мальчик – Влад. Я буду тренером твоей команды, когда ты будешь у нас работать. А Влад будет принимать у тебя экзамен. Я буду тебе здесь за маму и за папу; а Влад – за всех остальных, да Влад?

– Конечно. Можешь считать меня за маленькое доброе привидение.

– Прекрати, Влад.

– Эльмира, если это всё, тогда я приду завтра.

– Ага, давай... Влад, мы опаздываем, нам нужно бежать.

И они исчезли где-то внутри огромного и пустого торгового центра, в который никто, кроме работников, не ходит.

А подняться мне нужно было на третий этаж – там, рядом с боулинг-клубом – компания «Гранд», на которую мне предстояло работать. По моим подсчётам, в офисе было не меньше трёхсот компьютеров – приличное пространство компания снимает под колл-центр. И каждый стоял на своём месте, равномерно отделённый деревянными перегородками через каждый метр. И стояли они в дюжину, если не больше, рядов. Самый классический офис, в который тишина и покой забывают заглядывать.

На обучение в этот день нас собралось двадцать человек, возрастом от пятнадцати до шестидесяти восьми лет. Это – в первый день; во второй в два раза меньше. А на экзамен, который должен был пройти на третий день – явилось всего девять человек. Каждое занятие длилось по четыре часа. Полный курс обучения – двенадцать. Первое занятие – это собеседование, ввод в тему и объяснения простейших принципов; второе – практика; третье – экзамен. На занятия каждый день можно было прийти на десять или на три часа. Для них было отведена отдельная маленькая комнатка.

На первое занятие эта белая коробочка без окон всегда забита. На второе – уже есть, где протолкнуться. А на экзамене: сразу видны люди, которым действительно очень нужна работа. Ведь на неё брали всех: хоть подростков, хоть стариков – но обладающих особыми навыками. Платили стабильно, карьерный рост верному сотруднику был обеспечен. Целая система вербовки сотрудников. И трёхдневный курс обучения, само собой, бесплатный. Это было место, где умирала безработица. Начало меня вполне устраивало.

Было только две проблемы: скука и тоска от однообразного речевого труда, справиться с которыми мог далеко не каждый.

В первый день нам выдали вот такие бумажки и заставили выучить их наизусть:

«Компетенция Оператора:

- Обзвон людей с целью приглашения их на мероприятие.
- Обладание знаниями о мероприятии.
- Внесение полученной информации в программу.
- Умение грамотно реагировать на возражение гостей.
- Свободное владение скриптом оператора холодного обзвона.
- Поддержание корпоративной культуры кампании.
- Коммуникабельность, чёткая речь, свободное владение русским языком.
- Стрессоустойчивость и тактичность.
- Позитивный настрой.
- Желание работать и развиваться»

– Простите, вы что, плачете? – донеслось до меня.
– Ой, не-нет, – замахал я руками, даже не желая взглянуть в сторону задавшего вопрос, – просто соринка в глаз попала.

А затем, нам выдали по листочку с запрещёнными словами и тоже сказали выучить. Каждый должен знать, что ему нельзя говорить:

«Запрещённые Слова:

- Нет.
- Акция.
- Личные данные.

- Отдалённый срок.
- Слова с сомнениями.
- Уменьшительно-ласкательные.
- Можно будет не приходить.
- Я вышлю приглашение и вы подумаете.
- Нецензурные выражения.
- Я вам перезвоню и вы скажите, придёте вы или нет»

И компетенций и запретов было по десять: чтобы одно можно было пересчитать по пальцам рук, а другое по пальцам ног. Я уже тогда догадывался, что меня ожидает множество подобного бреда. Офис – это цирк без репертуара.

Нас учили правильно задавать вопросы, как будто сами мы не умели их задавать. Нас учили правильно отвечать на них, будто до этого мы понятия не имели, что означают ответы. Каждый почувствовал бы себя младенцев в колыбели, который только учится ходить.

После первого дня обучения, я впервые вернулся домой и упал на кровать не потому, что слишком много развлекался, а потому что работы было не по силам много. Я отсидел свою любимую часть тела, что мне ещё долго не удавалось привести её в порядок. Я закричал:

- Кто-нибудь, убейте меня.

На второй день, мы точно так же страдали непойми чем, стараясь сделать хоть что-нибудь. Мы разбирали по кусочкам скрипты холодного обзвона и поочерёдно читали его

друг другу, приглашая на то или иное мероприятие. Так прошло ещё четыре часа. Вернувшись домой, я закричал так же, как и в первый раз:

– Ну, пожалуйста, кто-нибудь, убейте меня.

Жизнь только начинала приходить в норму и болела сильнее, чем зубы, когда те только начинают прорезаться. А затем, настал экзамен. Я ели смог его сдать. И всё же, со мной заключили договор и взяли на работу, сказав приходить завтра. Всё-таки, я им подошел. Хотя, по большому счёту, им подошел бы любой.

Когда я пришел на назначенное время в свой первый рабочий день, то оказалось, что у Эльмиры – моего супер босса – дел было выше крыши. И что она не может уделить мне времени больше, чем того оказалось необходимо, чтобы сплавить меня другому тренеру, у которой работы было ещё больше, но времени достаточно, чтобы отправить меня к уже опытному оператору на стажировку. Так я летал со стороны в сторону, пока не пристал к молодой девушке – студентки технического университета, подрабатывающей здесь. Ей поручили показать мне, как работать с программой и оформлять согласие. И самое главное: доверили ей обучить меня всему, что она сама узнала за два месяца работы здесь.

Знаний было немного. Теоретические навыки, добытые путём отсиженной задницы, у меня уже были. Оставалась только самая главная часть: звонки и разговор с живыми людьми. Чтобы освоиться и с этим, у меня ушло не мень-

ше часа. Действительно, будто заново учился разговаривать с людьми.

Компания «Гранд» занималась тем, что сотрудничала с другими компаниями, занимавшимися производством. Сам «Гранд» занимался рекламой. Его главный офис находился в Польше, где-то в лабиринтах Кракова. Компания имела свои офисы более чем в восьмидесяти городах в двадцати странах по всему миру от Каракаса до Новосибирска. «Гранд» занимался тем, что в разных городах проводил бесплатные мероприятия, целью которых была реклама продукции компаний-партнёров. За это «Гранд» получал суммы, размеры которых трудно было вообразить. Реклама – дело дорогое. А сами колл-центры – обзванивали жителей городов, в которых проводилось мероприятие и приглашали их на него, высылая по почте приглашительные. Всё довольно просто и совсем не противозаконно – на правах рекламы.

Тот офис «Гранда», в который я имел неосторожность завербоваться – занимался двумя компаниями-партнёрами: производителями мебели и специалистами в области инвентаря для тяжёлой атлетики. Впервые в жизни: я целый день думал, чем важна для людей мебель и тяжёлая атлетика; а ведь они, без всяких сомнений – нужны всем и каждому!

Работа оператора колл-центра (или просто опера, с обязательным ударением на второй слог) заключалась в том, что бы обзванивать людей и приглашать их на мероприятия, в ходе которых им будет представлена продукция фирмы, а по-

сле этого каждый участник получит гарантированный бесплатный подарок. И само мероприятие – никого ни к чему не обязывает – просто предлагает, информирует и ничего не требует. Всё довольно просто. И тут начинаются трудности.

Наш офис работал с городами страны, с которой наша любимая родина находилась в неофициальном положении войны. С нашей стороны – никакой враждебности к этим людям не было (я говорю только про оперов), а с их стороны – она имело место быть. Поэтому ни в коем случае нельзя было говорить, откуда идёт звонок. Если возникал такой вопрос, то отвечать нужно было, что звоним мы из нашего главного офиса, что находится в городе Москва. Это была ложь во имя блага – война не должна мешать людям честно зарабатывать деньги на рекламе мебели и штанг.

Они ничего не должны были знать о нас. Им и не нужно было. Мы звонили им и приглашали. Они соглашались и тогда мы записывали согласие; или отказывались – в таком случае, мы записывали отказ. На этом наше дело и кончалось.

Войдя в программу колл-центра на компьютере, нам выдавалась вся информация о фирме, о подарках, о мероприятии, о месте и времени проведения. По неизвестной никому из рядовых операторов схеме, наш компьютер выбирает номер телефона из числа жителей заданного региона; к примеру: город Александров, Ростовская область. Затем, происходит соединение опера и случайного номера. И начинается разговор – всё просто. Иногда, программа ошибалась и до-

званивались мы до тех, кто жил далеко от выбранного региона. Тогда, нужно было записать ошибку. Номера телефонов сохраняются только в виде данных, из которых вскоре можно составить статистику отказов, ошибок и согласий.

Впрочем, это уже не наша работа.

Кто бы мог подумать, что с самого начала меня ждал успех. Ведь по прихоти бездушной программы, мы с моей наставницей приглашали людей на мероприятие в ненавистном для всех оперов ночном кошмаре – городе Оренбурге – рекордсмене в области отказов: грубых, простых, случайных и тяжёлых. Да, отказы тоже делятся на категории. Если в Оренбурге удаётся уговорить хоть одного человека из двадцати пойти на бесплатное мероприятие, после которого он получит подарок – то опер может собой гордиться. Остальные девятнадцать – бросают трубку уже на пятой-шестой секунде разговора. В среднем, у опера есть восемь секунд, чтобы заинтересовать собеседника. Так вот: в Оренбурге всё намного хуже. Моя наставница полчаса пыталась выбить хоть одно согласие из жителей этого странного города, попутно рассказывая мне все тонкости работы с программой и тасканием с отказами. Затем, я попросил её дать мне наушники и попробовать самому.

– Бери, но вряд ли у тебя что-нибудь выйдет с этим городом.

Это был мой первый звонок и разговор с самыми суровыми представителями русского мира. И это был мой первый

раз, когда я оформил согласие.

Моя наставница похлопала меня по плечу.

– Молодец, что хоть не научился у меня принимать отказы, а добиваться согласия. Хороший из тебя выйдет опер – отличное начало.

Затем, она достала из пачки сигарету, позвала тренера. Сказала, что я готов и ушла вместе с другими членами своей команды в единственное место, где опера не горят желанием убивать людей и ломать офисную аппаратуру.

Мне выдали наушники, которые отныне носили моё имя и номер моей команды; выдали рабочее место и пароль от моего аккаунта в программе колл-центра. Программа сама подсчитывала количество часов, по которым я получал зарплату. Для этого и нужен был аккаунт.

Дальше мне стало ясно, что дав мне вкусить успеха, удача полностью забыла о моём существовании. За три часа работы, мне чудом удалось получить ещё два согласия. Конечно, я мог обвинить во всём неудачу, проклятый Оренбург, недалёких и подозрительных гостей, которые кидают дротики от дартса в портреты неизвестных оперов, так и ждущих, чтобы обвинить их во всех своих бедах; мог обвинить наушники, которые сломались прямо посреди разговора и мне пришлось идти за новыми... При желании, любой опер может обвинить кого-угодно и что-угодно в своей неудаче. Но как бы я ни злился на судьбу за таких несговорчивых и скучных собеседников – мне всё равно было понятно, что неудачник

здесь только я, а не они.

На своём первом перерыве, я чуть не падал на пол с чашкой растворимого кофе в руках. Но чудом устояв на ногах, я стал медленно потягивать сладко-горький кипяток. Только на середине кружки я стал осознавать, что происходит вокруг меня. А именно: вся кухня была забита молодыми девушками – старшеклассницами или студентками – которые активно между собой что-то обсуждали; и в их голосе не было ни капли скорби о малом количестве согласий или усталости. Как же мне хотелось быть одним из них. На мою долю оставалось лишь думать: куда же я попал?!

Но раздумывать над этим мне, к счастью, не дали. Перерыв закончился. В кухню влетела Эльмира и начала своё:

– Раз! Два! Три!..

И всех как пулей смыло обратно за свои рабочие места.

– А ты, – она указала на меня, – у тебя есть ещё две минуты. Советую не терять их зря.

Я, конечно же, потерял. И вернулся обратно в свою тесную клетку, ограждённую границами минимального свободного пространства.

Дальше я стал машиной: позвонил, пригласил, принял отказ. И так до конца рабочего дня. Когда я вернулся домой: я упал на кровать и прокричал в подушку:

– Кто-нибудь, пристрелите меня...

На следующий день, за первые два часа я записал десять согласий – в пять раз больше, чем вчера. Девушка, которая

в тот день сидела рядом со мной – была девятиклассницей, которая работала здесь больше месяца.

– В свой первый день, – она откинулась на стуле и улыбнулась мне, – за десять часов мне удалось сделать всего два согласия – это ещё хуже, чем было у тебя. Мне пришлось сменивать пять компьютеров – «Гранд», как ты видишь, не очень заботиться об их рабочем состоянии. Я бегала то по всему офису, то по разным уголкам России – и везде натыкалась на сплошные трудности и отказы. Я думала, что так будет всегда.

Я заглянул за перегородку между нами и посмотрел на количество сделанных ею согласий за день.

– На следующий день, мне уже удалось сделать четырнадцать.

Она пришла на час раньше меня. У неё было двадцать согласий.

Затем, у меня отрубил интернет и ещё минут десять мне пришлось провести под столом в поисках кабеля. А после, у меня снова сломались наушники. Затем, я снова попал в какой-то дремучий русский городишко, в котором непонятно с чего вообще устраивать какие-либо мероприятия – ни мне не понятно, ни самим жителям города. И снова: отказ, отказ, отказ... Вход же бесплатный! И после мероприятия, которое вас ни к чему не обязывает, вы получите гарантированные подарки! Люди, что не так?!

Я пришел домой с двенадцатью согласиями в голове. Мне

не хотелось ни с кем говорить; ни о чём думать. Я просто лежал на кровати и сочинял новую мантру:

– Пристрелите меня, пристрелите...

И так целую неделю: я приходил домой, ложился на кровать и засыпал с одной только мыслью в голове. Работа занимает всё время – о ней невозможно забыть. И дни становятся такими долгими – и так быстро уносятся одни за другим прочь.

Однажды, сильные офиса сего увидели, как страдают мелкие и жалкие их рабы-опера. Потому, порешали они, сговорившись меж собой, что настал час перемен в офисе сем.

Тренера отозвали нас со своих рабочих мест и позвали на общее собрание. Там они сказали нам, что работать и жить отныне будет веселее. Каждую неделю будет проводить морской бой между командами. Каждый, кто сделает одно согласие – будет иметь право выстрела. Он скажет, по какой клетке бить. И если ему удастся сделать это, то в подарок он получит шоколадный батончик – за одно попадание.

Чего только эти бедные офисные опера не выдумают, чтобы избавиться от скуки?!

Так же, каждую неделю будет проводиться так называемый «энерджи»: на весь офис на полную громкость включается музыка, стулья у оперов изымаются. И каждый должен будет в танце делать согласия. Кто не танцует – проиграл. Кто собрал мало согласий – проиграл. И лишь рекордсмен – победит.

Энерджи будет устраиваться каждую неделю. Призом победителю будет ящик кока-колы на десять литров. Но раз в месяц, вечером, когда все несовершеннолетние опера покидают офис, будет разыгрываться ящик пива – пятнадцать литров, тридцать банок. И ради такого приза я готов был раз в месяц не только делать согласия в танце – я готов был стоять на голове и уговаривать людей прийти на мероприятие.

Каждую неделю я участвовал в энерджи – два раза мне даже удалось победить. В доме как раз заканчивалось моеющее средство. Но я ждал с нетерпением вечерней битвы оперов за ящик пива. И когда оно наставало – программа, как назло, отправила меня куда подальше – до самого Оренбурга – и я оказался последним.

Я спал. И видел сны о том, как приглашаю президента посетить совершенно бесплатное мероприятие, посвящённое тяжёлой атлетике, а если он придёт со своей женой – то получит президентский подарок. Отдохните от выборов, приходите тестировать мебель. Вы сможете сами убедиться в её первоклассном качестве, да-да, господин президент. Я приводил аргумент за аргументом. Он угрожал мне; говорил мне, что бы я не тратил ни его, ни своё время впустую. Но я не сдавался.

И затем, я просыпался. Это происходило в тот самый момент, когда президент должен был послать по моему следу наёмных убийц; или же дать мне свой адрес и подтвердить своё согласие. Я стал тем же, чем была моя работа.

Месяц я готовился к новому энтерджи. Я просыпался, шел на работу, приходил, выпивал, засыпал и считал с закрытыми глазами не овец, а согласия. Мне не столько нужно было это пиво, сколько нужна была победа. И наконец, когда настало время, когда на весь офис заиграла громко музыка и мне пришлось встать со стула, чтобы начать танцевать, при этом делать согласия – я побил все свои прежние рекорды и сделал девять согласий за час. За день всего: тридцать восемь. Это был триумф. Ни один опер из моей команды столько сделать не смог. Как раз в этот же день я должен был забрать свою зарплату.

С пачкой денег и ящиком пива в руках, я сказал своему тренеру, что завтра на работу не приду. И послезавтра тоже. И ещё несколько дней.

– Ты же знаешь, что должен меня предупреждать об этом хотя бы за несколько дней, если у тебя нет уважительной причины. И как мне тебя отпустить?!

– Знаю, – кивнул я, – но у меня есть уважительная причина. И не одна.

– Что ещё за причины?

– Я буду болен.

– И чем же это?

– Счастьем.

Она тяжело вздохнула.

– Не думай, что ты первый у меня такой счастливчик. Ладно. Хорошо. Но только возвращайся потом живым – такие

опера как ты нужны мне. Они – сокровище моей команды. И я не позволю им умереть так легко.

– Разве я так важен?

– А ты знаешь, что благодаря таким как ты, наша команда стала второй лучшей в стране? Наш средний показатель: три и четырнадцать в час. А показатель лучшей команды «Гранда» – три и сорок восемь в час. Раньше, я и представить не могла, что мы на такое способны, ведь у нас в команде есть и новички, для которых одно согласие в час – большая радость. Поэтому, постарайся не умереть от этого твоего «счастья»; и вернуться обратно.

– Не волнуйтесь. Уж я-то – постараюсь.

Раньше: у меня был только мой голос. Теперь: у меня есть ящик пива, «котлета» и первая в жизни уважительная причина устроить вакханалию на славу.

Я снова встретился со всеми своими старыми друзьями. Я сказал им, что у меня «котлета» + ящик пива. Через час, даже самые несговорчивые были у меня дома. Многие из них пришли за долгами; но меня это нисколько не смущало. Я – был на высоте.

Мы собрались вечером, чтобы выпить всё пиво и вспомнить старые времена. Пиво, само собой, было далеко не единственным пунктом в нашей винной карте. Часа два мы сидели мирно. Зато каким было это время: ведь когда ещё взрослому человеку удастся сердечно поговорить о том, что было и о том, что будет?! И услышать на всё ответы таких же

взрослых, уважаемых людей. Но всему этому суждено было продлиться недолго. Когда мы стали достаточно пьяными, а значит, откровенно честными – мы вышли на улицу.

Изначально, в наши планы входило просто весело и задумчиво провести время – и ничего больше. Но стоило только нашим носам отведать свежего воздуха, смешанного пополам с угарным газом – всем нам без слов стала ясна наша истинная цель. А именно: не вредить никому; одновременно с этим, навредить всем. Мы не держали личного зла ни на кого. Мы были злы на всех; на всех, кроме друг друга.

Без лишних слов, мы решили украсть и продать фонарь; и забор неподалёку от моего дома, ограждавший путь на забытый всеми, кроме последних хроников, пустырь.

Сначала один подымался в перчатках на самую вершину фонарного столба – хорошо, что они недостаточно высокие, что после падения с них не будет серьёзных последствий. С помощью ножа, острого, как чувство юмора Господа, он перерезает все кабели и вынимает лампочку из фонаря. Обычно, после этого вся улица остаётся без внешнего освещения. Затем, минут через пять, массивными ударами кувалд нам удавалось свалить фонарный столб на землю. А затем: мы собирали все провода, до которых только могли дотянуться.

Мы знали: даже услышав грохот падающего фонаря и обнаружив исчезновение света по всей улице – полицейские нашего района всё равно заявятся не скоро. В худшем случае: они приедут на чей-нибудь вызов. Но вероятность это-

го была крайне мала. Весь город давно махнул рукой на наш район. И мы могли делать здесь, что угодно: к примеру, украсть фонарь. Не потому что нам нужны были деньги, которые мы получим, сдавая провода. Просто: нам нужно было избавиться от скуки.

Дальше: пришло время забора. Для чего вообще он здесь стоит?! Чтобы никто не мог что-нибудь за ним украсть?! Но там ничего не было! А если бы и было, то всё равно – нам нужен был именно забор. Вандализм во имя самого вандализма. Мы просто разбросали его по зубочкам, украли и продали. В самом процессе продажи частей от фонаря и забора я не участвовал. Догадывался, что поставить их было в десять раз дороже, чем продать. Но какие-то деньги всё равно от этого были. К тому времени – я уже был мертвецки пьян – куда сильнее, чем кто-либо из моих друзей.

Как мне рассказывали позднее, я вёл себя, как последняя скотина. Моим друзьям пришлось меня вырубить, чтобы я всё не испортил; и отнести меня в тихое место, где смог бы прийти в себя и снова начать нормальную жизнь. Я не злюсь на них. Мне просто было плохо.

О том, чем занимались всю ночь я узнал только через несколько дней – от своего лучшего друга, который позвонил мне и зашел отдать мою долю с продажи проводов, забора и металла.

– Отдай их, – прошипел я, – каким-нибудь бедным.

Так и сказал.

– Ладно, – пожал он плечами.

Я нашел в себе силы встать и подойти к плите. Я сварил ему и себе кофе. Теперь, я умел готовить его лучше, чем раньше. Я поставил чашку перед ним и сказал:

– Знаешь, всё же, лучше оставь деньги мне.

– Хорошо, – добавляя две ложки мёда в кофе, кивнул он, – как скажешь.

Он добавил:

– В любом случае: ты и бедные – между вами нет никакой разницы. Денег здесь всё равно не много. Свою долю я уже потратил.

– И на что?

– Купил флешку.

– Ясно. И стоило оно того?

– Не знаю. Ты мне скажи.

Он ушел, оставив чашку наполовину полной.

Свой маленький отпуск я провёл в постели, с температурой лба близкой к извергающемуся вулкану. Я пытался вспомнить всё, что происходило со мной в ту ночь и до неё. Но каждый раз я натыкался на перегородку в памяти, лишавшей меня сил и клонившей в сон. Восемнадцать часов я спал и шесть готовился ко сну.

Так прошло несколько дней. Я выздоровел. Сказал себе, что никогда больше не встречу по своему желанию со своими друзьями. А затем, пошел на работу.

По непонятным мне самому причинам (назовём их уда-

чей) мне удалось собрать невообразимое количество согласий в те дни, когда я боролся за сундук мертвеца. Но после отпуска, у меня не осталось и капли бывшего везения. Первый день после моего возвращения – был худшим днём. А все последующие – не лучше.

Если спортсмен долго не поддерживает свою форму – он теряет навыки, которых он добился с таким трудом. И за один день прогула – ему приходится отработать три. С физиологической точки зрения, это легко объяснить. Но этот закон не может и не должен работать с операми. Ведь звонить людям и предлагать (умолять) прийти на мероприятие – это вовсе не спорт, в котором можно развить свои умения.

Восемьдесят процентов здесь зависят от удачи; и лишь двадцать от самого опера, если он заведомо всё не испортил. Интонация, порядок слов, улыбка в голосе – всё это нужно для того, чтобы напугать человека так, чтобы он не бросил трубку на первой секунде. А дальше – как повезёт. Мелкие и дешёвые трюки – настолько незначительны в разговоре с большинством людей, что ни один уважающий себя статистик не стал бы брать их в расчёт.

И, тем не менее, простой удачей невозможно объяснить тот факт, что одни получают всё, а другие ничего; что одни опера хватают согласия с неба, а другие откапывают жалкие их крохи в грязи. Может, дело в харизме? Но мы ведь не видим того, с кем говорить. А значит известная всему человечеству магия, опять-таки, бесполезна.

Может быть, секрет хорошего опера кроется в том, что он не тратит зря времени на заранее безнадёжных собеседников и работает только с теми, кто, как ему кажется, сами готовы прийти? Мне уже удавалось говорить с такими людьми, которым только скажи про халяву, так и лишний раз уговаривать не нужно. Но таких очень мало. Почти все – отравлены подозрительностью, которую опера ненавидят больше, чем проклятый Оренбург.

Согласный человек – скорее, исключение из правил, ради которого мы все здесь и собрались. Иногда, трубку бросают сразу же, не успев даже договорить до конца слова «Здравствуйте». И что в таком случае делать оператору? Даже величайший в мире манипулятор и гипнотизёр не смог бы уговорить того, кто заранее отказывается слушать. И какими средствами рядовой опер может обратить на себя внимание собеседника, не нарушая при это этикета официально-делового разговора – ведь нарушение этики карается серьёзным, с точки зрения нашей зарплаты, штрафом.

Я устал. Мне нужно передохнуть. Мой язык отваливается на части – одна и та же речь каждый раз. Ах, эта симфония автоответчиков и голосовых ящиков! «Оставьте своё сообщение после сигнала». После этого, нужно сразу нажимать кнопку: «Не отвечает». Но каждый раз, я задерживался на этой ноте: «...после сигнала». Никогда я и представить не мог, какое невиданное наслаждение приносит молчание и тишина. А затем снова: «Дзынь-дзынь-дзынь» – самая при-

вычная и ненавистная мне музыка на этой Земле.

День за днём: я умоляю стены, шкафы и подушку пристрелить меня. Это предложение вас ни к чему не обязывает, вы сможете отдохнуть и расслабиться, а после: получить гарантированный подарок в виде моего окровавленного трупа.

Работа опера в колл-центре – слишком сильно напоминает мне обязанности экспоната в музее современного искусства. Мы звоним и произносим по сто раз одни и те же фразы. Люди повторяют их изо дня в день; и буквально дохнут от скуки.

Многие из тех, кто приходят – не выдерживают и месяца. У нас постоянный прилив и отлив кадров, хоть по лунному календарю сверяй. Но есть и те, кто остаются здесь надолго. Я, можно так сказать, был одним из них. Бесчисленное количество поколений оперов прошли сквозь зрачки моих глаз. Таких стариков как я – мало; лучше знать всех таких чудаков в лицо. Что правда, работаем мы в разные смены; а потому, наши взгляды могут не пересечься ни разу за всё время, что мы работаем здесь.

Мне надоел мой постоянный рабочий график; и я решил сменить его на вечерний. Пусть на новости по телеку перед сном у меня будет меньше времени, зато высыпаться буду больше. К тому же, пора переходить от старомодного телика к новостям в соцсетях. Может быть, мне удастся познакомиться с другими старичками, которые приходят тогда, когда я собираюсь уходить.

Уже на следующей неделе я вышел в новую смену. И кто бы мог подумать, что это вызовет такие последствия!..

Да, я действительно уже на первом перерыве познакомился со стариками, которых раньше не видел. К примеру: мужчина, который искренне верил, что секрет согласия кроется в том, что бы перед работой выпить пару стограммовых рюмок огонь-воды. И ещё: самого старого опера «Гранда» – тихую старушку, которой недавно стукнуло восемьдесят шесть и которую можно было назвать самой богатой бабушкой на районе из-за её зарплаты, в десять раз превышавшей размеры пенсии старикам в нашей стране.

Это всё да – интересно... Но главным моим впечатлением была встреча с самым лучшим опером «Гранда». Ей удалось сделать до двенадцати согласий в час. И никаким образом это не могло быть обычным везением. Если бы человек обладал такой удачей, то на каждом шагу он должен был находить по слитку золота. Нет, это могла сделать только она.

Легенды, ходившие по офису, я слышал и раньше; но только теперь я увидел её вживую. И то – только мельком. Она прошла мимо. Я спросил, кто эта женщина и услышал ответ. У чуть позднее, под предлогом сломанного компьютера, я улучил возможность и сел за коробку, что была прямо напротив неё.

Делая согласия и раз за разом увеличивая и без того бесчисленное количество отказов, я стал в промежутках между звонками заглядывать к ней в офис. Много раз мне уда-

валось проверить это незаметно и получить от этого такое удовольствие, что можно было хоть сто лет ещё просидеть на этом месте. Но однажды, она это заметила.

– Кое-кому нос надоел?

Она высунула голову из своей офисной коробки и пронзила меня взглядом так, что глаза мои прилипли к монитору, а нос упал в бумаги и больше не подымался. Верно то, что люди, которым легко очаровывать других – при желании могут и отпугнуть не хуже. Но ненадолго.

Я снова вернулся к своим звонкам. На этот раз, не поворачиваясь в её сторону даже в моменты, когда по монитору, для полноты картины, не хватало только пустить несколько перекасти-поле.

Ты никогда заранее не знаешь, к кому дозвонишься и к кому попадёшь. Вычислить это труднее, чем угадать правильное число из тысячи. И люди, с которыми приходится разговаривать – настолько разные, что от одних и тех же слов некоторые могут рассмеяться, другие расплакаться, третьи – бросить трубку; а четвёртые – вообще угрожать бедному оператору судебной расправой. И всё это от одних и тех же слов, не выходящих за рамки этики официально-делового разговора. А начинаем мы всегда с: «Здравствуйте, меня зовут Аргентина, я менеджер международной компании...» или лучше говорить не «Аргентина», а хотя бы «Андрей». Но, даже не смотря на это, чаще всего, уже после одной этой фразы – все разговоры кончаются. А часто: вообще не удаётся

ни до кого дозвониться. И приходится сидеть на месте, слушать гудки и развлекать себя вещами, которые никак иначе, кроме как «убийством времени» назвать было нельзя. Так могло пройти минут двадцать – и всё для того, чтобы снова услышать один и тот же незнакомый голос, кричащий на весь мир о своём отказе.

Ясно, почему мало кто задерживается здесь надолго. Здесь, как и в жизни, если не иметь чувство юмора, презрения к себе и цинизма – долго не протянуть. Правда, обладая такими качествами, можно уйти куда угодно. Почему же я остаюсь? Все прочие двери – закрыты для меня. Я ничего не умею и любая работа кажется мне адом. Но в чём-то, я могу раскрыть свой потенциал. И это всё, что остаётся.

Приглашая людей на мероприятие, которое пройдёт в городе Киржач, я дозвонился до женщины, которая сказала, что не сможет прийти на мероприятие по той причине, что живёт на Марсе.

– Как-как ещё раз называется ваш населённый пункт?

– Марс.

– А от Марса до города Киржач больше двадцати километров? Если от вашего населённого пункта до Киржача меньше двадцати километров, то вы можете посетить наше мероприятие.

– Ой, что вы. Да тут лететь не знаю сколько, но больше двадцати километров. Спасибо, но лучше я приду на ваше мероприятие как-нибудь в следующий раз. Знаете, нас, мар-

сиан, не так часто посылают на Киржач.

– Когда наше мероприятие будет проходить в вашем населённом пункте – вы будете первой, кого я приглашу. А пока, спасибо за внимание и всего вам хорошего. До свидания.

Последняя моя фраза – была предусмотрена скриптом холодного обзвона на случай, если наши собеседники начинают выделываться. И всё же, я очень рад, что иногда бывают и такие необычные случаи, выпадающие из общей статистики унылых звонков.

Но всё это внимание занимает лишь на время. А каждому человек: и в работе, и в жизни – не хватает вечного огня. Иначе, сам факт существования жизни становится невыносимым.

– Сотри её из памяти, – сказал мне мой лучший друг, – как на следующую секунду забываешь об отказах по телефону – забудь о ней. Ты ведь опер «Гранда», а значит – самое устойчивое к отказам существо на Земле. Только представь себе, что было, если бы ты к каждому отказу на работе относился так же, как к этому.

– Сто тысяч отказов – и мне всё равно; всего одно нет – и жизнь превратится в ад.

– Кошмар, ты уже становишься похож на сентиментального философа. Хочешь, я познакомлю тебя с одним хорошим сутенёром? Он быстро найдёт для тебя ту, которая выбьет из тебя всё дерьмо. Как тебе, а?

– Да пошел ты.

Я снова стал пить; начал ещё больше курить. Жить мне осталось недолго и мучительно, если что-нибудь не изменится.

– Ну, тогда я не знаю, чем тебе помочь. Можем ещё раз украсть фонарь, если хочешь.

– Не говори ерунды. Мы столько лет с тобой знакомы и я ведь вижу, что ты мне чего-то недоговариваешь. Сегодня, я заметил, что она стала избегать меня. Избегать, понимаешь? Ты даже представить себе не можешь, что я сейчас чувствую. Поэтому, если есть хоть мельчайший шанс, хоть малейшая возможность – то ты не можешь от меня её скрывать. Пожалуйста, скажи мне, что это? Скажи, иначе мне кажется, что я начинаю сходить с ума.

– Я не хотел тебе этого говорить – пойми, всё это для твоего же блага. Но в твоём случае есть только один выход. Будь вы простыми людьми, у тебя вообще не было бы ни мельчайших шансов, ни малейших возможностей, разве что, произошло бы чудо. Да и в нашем случае – если чуда не произойдёт, то плохи твои дела.

– О чём ты?

– Я уже жалею, что начал. Только подумай: твои шансы против неё действительно ничтожны...

– Да говори уже!

– Ты ведь уже знаешь, что операторы колл-центров готовы пойти на что угодно, лишь бы избавиться от скуки. Что там у вас сейчас? Морской бой? Энерджи? Всё это – детские игры,

хоть они и тоже неплохо помогают. Однако раньше, в былые времена, около полугода назад, опера развлекались как боги. У древних оперов было множество всяких игр, запрещённых новым начальством. Ух, какие это были времена! Но то, о чём я хочу тебе рассказать – было запрещено всего пять месяцев назад.

– Так что? Я ничего не понимаю.

– Это только пока. Пойми, раньше времена были другими. И ссоры между операми случались чаще. Но драки были запрещены всегда. И если одному оперу что-либо не нравилось в другом, он мог вызвать его на поединок – это такая специальная хитрость, придуманная руководством. После поединка, победитель получает полную власть над проигравшим.

– Всё равно ничего не понимаю.

– Ты ведь хочешь эту девку, верно? Значит, ты должен вызвать её на дуэль – и она будет твоей. Это только моё предположение; сам решай, что с этим делать. Я вообще говорить ничего не хотел. Для твоего же блага – забудь всё это. Дуэли – дело взрослых.

– Что значит эта твоя дуэль?

– Точнее будет сказать: «Дуэль на обзвонах». Я точно не помню всех подробностей. Но суть поединка кроется в самом названии. А победитель – получает полную власть над проигравшим.

– Что это за глупость такая?

– Жизнь оператора – вот, что настоящая глупость и бес-

смыслица. А твоя зайка – достаточно долго работает в нашем офисе, чтобы помнить, что это значит. Если ты не хочешь – сутенёр никуда не денется. Я ведь ни к чему тебя не принуждаю, дружище.

Последнее, что он сказал, окончательно подняло мне настроение:

– Давай бухнём...

На следующий день я снова встретил её.

– Привет, не хочешь выпить чашечку кофе после работы?

– Нет.

– Ну как? Это ведь всего лишь чашечка кофе.

– Не могу, я занята.

– После работы?

– Я не пью кофе.

– Да совершенно не важно, что пить. Давай просто посидим где-нибудь или погуляем на выходных, поговорим.

– Я подумаю.

– Дашь свой номер телефона?

– Нет.

– Что ж, ты не оставляешь мне другого выхода. Раз ты даже мне свой номер давать не хочешь, то я вызываю тебя на дуэль.

– Ты ведёшь себя как ребёнок.

– Я – вовсе не ребёнок. Я – лучший оператор в стране. Ты – мне даже не ровня.

– Хорошо. А теперь, мне нужно идти.

– Ты принимаешь мой вызов?

– Нет.

– Тебя называют лучшим оператором офиса. Как ты можешь отказать от вызова?

– Колл-центр – это всего лишь работа. Только такие как ты придают ей слишком большее значение из-за того, что им просто нечего больше ценить в этой жизни и нечем заняться.

– И, тем не менее, тебя считают лучшей.

– Мне всё равно.

– А мне нет! Если ты боишься, то я легко превзойду тебя в количестве обзвонивших и наша команда – станет лучшей в стране. А премии – будут выше, чем зарплаты.

– Мечтай. Это не вредно.

– Думаешь, у меня не выйдет?! Ну, тогда держись?..

– За что мне держаться-то?

– Тебе никогда не победить меня.

– Как скажешь.

– Если считаешь иначе, тогда почему не хочешь принять мой вызов?! Гляди, на нас уже обе команды смотрят. Давай, скажи им всем, что я – лучше тебя; что ты боишься идти со мной на дуэль. Что это я, а не ты – лучший оператор. Скажи им всем, скажи это всему офису.

– Ты – неудачник. Все мужчины опера – неудачники. В офисе двести восемьдесят три сотрудника; из них двести пятьдесят – опера. А сколько из них мужчин? Тридцать один – и все они либо студенты, которым негде подрабатывать, ли-

бо неудачники, которые не смогли найти себе места получше. Потому что оператор – это женская специальность. Мужчина никогда не сможет уговорить другого человека лучше, чем это сможет сделать женщина. Потому, тебе никогда не победить меня. Тебе никогда не стать лучше меня, дурачок. Уж кого-кого, но тебя я боюсь меньше всего.

– Тогда: прими мой вызов и сражайся как настоящий оператор.

– Ты – ребёнок...

– Ты – унизила не только меня, но и ещё тридцать сотрудников «Гранда», верно служащих колл-центру. Ты оскорбила не только членов моей и своей команд, но и всех мужчин операторов. Я – не потерплю несоблюдения наших прав и буду бороться за равенство между мужчинами и женщинами операми. Мы – ничем не хуже вас.

– Мужчине – никогда не стать оператором лучше, чем женщине.

– Тогда, сразись со мной и докажи это. На нас сейчас смотрит весь офис, несмотря на то, что перерыв уже давно закончился. Или ты боишься, что мужчина окажется лучше, чем женщина?!

– Да никогда...

– Тогда, дерись со мной на дуэли.

– Дуэли запрещены! – закричала одна из тренеров, – я не могу допустить, что бы два лучших оператора махались друг с другом, как маленькие дети.

– Да заткнись ты, дура, – крикнула ей в ответ моя любовь, – не видишь, что взрослые люди разговаривают?! Хорошо, я принимаю твой вызов.

– А я запрещаю.

– Да только пикни мне! Мы – два лучших опера во всём офисе; а ты кто? Стоит мне только написать боссу, так меня тут же поставят на твоё место, а сама ты вылетишь ко всем операм!

– Здесь я босс.

– Я уже рассказывала про пана Бшежковича – владельца международной компании «Гран»? Мы встречались с ним в Киеве – я тогда была на курсах по повышению квалификации. Мы с ним хорошо разговорились и у меня есть адрес его электронной почты и номер телефона. Так что, не указывайте, пожалуйста, лучшим операм, что им делать – займитесь лучше малолетками, а то те совсем от скукидохнут.

Она повернулась ко мне.

– А ты, – она ткнула в меня пальцем, – жду тебя завтра; и только не попробуй прийти, урод. Ненавижу тебя, скотина – так лично и превратила бы эту морду в котлету.

Какая же, всё-таки, она милая. Особенно, когда в гневе разворачивается и уходит, стукнув дверями. Я остался стоять на кухне с чашкой в руке. И остался стоять так почти до самого окончания рабочего дня – считай, Эльмира, что у меня очередной внеплановый выходной.

Я пришел домой. Лёг в постель и не смог даже закрыть

глаза. Впервые, я не просил пристрелить меня. Я просто молчал.

На следующий день, когда я пришел в офис, у самих дверей меня перехватил какой-то пожилой нервный мужчина.

– Это – Михаил Юрьевич, – объяснила Эльмира, – он – единственный, кто достаточно стар, чтобы помнить правила дуэли на обзвонах.

– Более того, – поднял он указательный палец вверх, – два года назад, я сам предложил эту идею руководству. Так что, я ещё и основатель этой игры.

Эльмира добавила:

– Последняя дуэль была около пяти месяцев назад – и с тех пор, мы пытались забыть об этой традиции.

– Только шесть месяцев и две недели, – поправил Михаил Юрьевич.

– Да-да, их запретили как раз после того инцидента. Вам бы и сейчас не разрешили, просто директор, который занимался искоренением этой традиции – уже успел уйти в отставку. Так что, вы вовремя собрались возрождать былое.

– А что за инцидент?

– Да там было...

– Убийство, – перебил её Михаил Юрьевич.

– Да нет, вы ошибаетесь, какое убийство?! Это было самоубийство.

– В этом деле ещё куча белых пятен.

– В последней дуэли участвовали двое оперов. Через неде-

лю после своего поражения, несчастный застрелился.

– Говорю же: здесь ещё не всё ясно, – настаивал Михаил Юрьевич, – дуэль – вообще могла быть здесь ни при чём.

– Так или иначе, с тех пор эта традиция под запретом. Была. До вчерашнего дня.

– Всё настолько плохо? – удивился я.

– Конечно, – кивнули оба.

– Дуэль – это тебе не игрушку, – сказал Михаил Юрьевич.

Чуть позже, пришла и моя любовь. Мы согласились дать друг другу время, чтобы выпить чашку кофе и постоять в курилке перед боем – но каждый в отдельности. Зато, я знал теперь, что она любит чёрный кофе без сахара и французские «Житаны». Потом, Михаил Юрьевич собрал нас вместе, чтобы огласить правила дуэли, которых было ровно столько же, сколько «Компетенций» и «Запретных Слов» – десять:

«Правила Дуэли на Обзвонах:

– В дуэли участвуют двое; как только поединок начался – дуэлянты не имеют права ни на какую постороннюю помощь.

– Дуэль ведётся на идентичных по параметрам приборах; если дуэлянт будет пойман на жульничестве, ему автоматически будет засчитано поражение.

– Дуэлянты имеют право только на один час связи; как только отметка в 00:59:59 на таймере перейдёт в 01:00:00 – связь будет автоматически прервана, независимо от состоя-

ния разговора гостя и оператора.

– Согласие засчитывается только после того, как будет нажата кнопка «Записать Согласие»; до того момента – ни в какой форме согласие не может быть засчитанным.

– Дуэлянты приглашают гостей на одно и то же мероприятие, в одном и том же месте проведения.

– Согласие оформляется согласно «Путеводителю Оператора»; согласие, оформленное с нарушениями правил политкорректности и официально-делового этикета – засчитанным быть не может.

– Дуэлянты имеют право отказать от дуэли в течении первых десяти минут проведения; в этом случае, трус должен быть опозорен, а все правила – аннулированы.

– Любой контакт между дуэлянтами – запрещён.

– Набравший большее количество согласий – имеет право называть себя победителем; но не обязан. В этом случае, засчитывается ничья.

– Победитель получает полную власть над проигравшим»

Михаил Юрьевич закончил и посмотрел на нас:

– Вы слышали правила. Готовы ли вы теперь к поединку?

– Готовы! – тут же ответила она.

– А вы? – он посмотрел на меня.

– Конечно, – едва слышно отозвался я.

– Тогда, можем приступать к подготовке.

Это не было прописано в правилах, но все находившиеся

в это время в офисе операторы – оторвались от своих рабочих мест и устроили себе бессрочный, оплачиваемый компанией, перерыв. Тренера, которые должны были накричать на своих подопечных в дисциплинарных целях и разогнать их по местам – не сделали ничего. Они, как и все остальные, собрались посмотреть на дуэль лучших оперов офиса, которую вряд ли ещё скоро забудут.

И так, под надзором сотен глаз, нас провели к компьютерам, разделённых между собой перегородкой.

– Могу напомнить вам правила, если хотите, – строго переглянувшись с нами, сказал Михаил Юрьевич, – но хочу в любом случае сказать вам: любая попытка жульничества или постороннего вмешательства с вашей стороны – будет жёстко пресечена; а виновнику – засчитано поражение.

– Можете не сомневаться в моей честности, мэтр, – приподняв уголки губ вверх, сказала моя любовь, – ему и так – ни за что не справиться со мной.

– От вас – я ожидаю того же.

– Ну конечно, – ответил я.

– На этом экране, – указал Михаил Юрьевич на монитор компьютера между нами, – будет отображаться количество согласий, сделанное каждым из вас. Можете поглядывать на него время от времени – мотивации ради.

Он добавил:

– Если оба дуэлянта готовы – выдать им оружие.

Нам дали по паре одинаковых наушников. Раньше, в дуэ-

лях использовали шпаги и пистолеты. Теперь, в наше время, наушники – стали не менее смертоносным оружием.

Мы надели их.

– Включить программы.

С небольшой задержкой, мы сделали и это.

– Местом вашего поединка – будет посёлок Целина – населённый пункт необъятной страны нашего врага, в котором люди не очень доверяют незнакомцам, которые что-либо им навязывают. Пусть вам сопутствует удача. Участники готовы?

Мы оба кивнули, на этот раз, не выдавив из себя ни звука.

Что означает: «Победитель получает полную власть над проигравшим»?

– Таймеры уже установлены на ваших программах. После нажатия кнопки «Старт», начнётся отсчёт времени. По моей команде, вы нажмёте на кнопки и между Целиной и вами – будет установлена связь.

Он выдержал паузу. По всём офисе и внутри нас застыла тишина, только кое-где были слышны вдохи, выдохи и нервные пошатывания оперов вокруг нас, гром гремевшие на весь офис.

– Да начнётся поединок, – закричал Михаил Юрьевич так, что у него из глаз посыпались искры, а у нас чуть кровь не потекла из ушей, – старт!

И мы нажали на кнопки, после чего, не думали уже ни о чём.

– Здравствуйте, я представитель международной компании...

– Здравствуйте, с вами говорит менеджер международной компании...

– Здравствуйте...

– Алло, вы меня слышите?..

– Как слышно?..

– Мероприятие будет проходить...

– ...Вы знаете, где это находится?..

– ...Извините за беспокойство.

– Жду вас на мероприятии...

– Всего вам хорошего и до встречи на мероприятии...

Не знаю, смотрела ли моя любовь на экран с количеством согласий; но я – почти не сводил с него глаз. Вот и прошли десять минут – пути назад уже не было.

Ещё никогда в жизни мне не приходилось испытывать такой адреналин, переживать такие эмоции, такой дух состязания и борьбы. Моё сердце выпрыгивало из груди, мозг работал всеми тремя полушариями, я голос становился уверенным, непривычно ровным и убедительным, несмотря на тысячи миль, разделявшие нас. Я был на высоте. Проблема была в том, что моя соперница – была ещё лучше. Говорят, выше головы не прыгнешь. Говорят, что невозможно управлять удачей. Но на что только не способен человек, когда ему беспрекословно известно, что у него попросту нет другого выхода.

Опера, всё время смотревшие на нас – охали и ахали – они поверить не могли, что в человеческих силах сделать столько согласий. Многие по-прежнему думали, что дело здесь в чистом везении – в его концентрированной форме. Как это у нас получалось? Как нам удалось загипнотизировать своим отчаянием и уверенностью людей в посёлке, так далеко находившемся от нас? Мы сами не знали этого. Нам просто было известно, что мы не имеем права перед собой получить отказ. И люди даже на другом конце нашего многострадального, вечно вертящегося шара – понимают это и не могут ответить нам «нет».

Гипноз по телефону. Магия операторов. Всего за один час: мы перевернули посёлок вверх ногами, взорвав мозги его жителям так, что они даже через месяц не могли понять: как нам удалось их убедить? Возможно, потому что мы их не обманывали. Мы хотели для них только всего самого лучшего – и искренне верили в это. Больше этого, мы хотели только победы. Мы обгоняли друг друга, перебрасывая лидерство между собой: она, я, снова она, целуй мои пятки, снова я; но ей – удавалось обогнать. Тут, ей не повезло и я снова вырвал победу. И снова она. Но я не отстаю.

Несмотря на запрет на постороннюю помощь, все девушки офиса кричали нам в спины:

– Анжелика, вперёд! Анжелика, давай!

Их перебивали басы мужчин-оперов, взмахивающих кулаками и топтавших ногами:

– Аргентина! Аргентина! Надери зад этой сучей бабе! Аргентина!!!

Денежные ставки, тоже запрещённые, были 3:1 не в мою пользу. А так как мы поочерёдно сменяли между собой лидерство, букмекеры так и кусали ногти, не моргая.

В запале дуэли, я потерял счёт времени. Для меня прошло от силы минут семь; и я был страшно удивлён, когда на весь офис загремел таймер.

– Время! – прокричал Михаил Юрьевич, – кончайте с этим.

Глаза всех присутствующих метнулись к экрану – все хотели знать победителя.

И разом они схватили лёгкими воздух и выдохнули так, что повсюду начали трескаться стёкла. Я тоже несколько раз моргнул и протёр глаза, прежде чем убедиться, что всё понял правильно.

Счёт был равным. И поразительно огромным. Подобного не мог себе представить никто. 19:19. Каждый из нас сделал по девятнадцать согласий всего за один час. Представьте себе трёхэтажный дом и человека, который в один прыжок смог бы взлететь ему на крышу. Примерно такими прыгунами чувствовали себя и мы.

– Что ж, – прокашлялся успокоившийся Михаил Юрьевич, – раз победителей нет – то нет и проигравших. Поэтому, я предлагаю считать дуэль несостоявшейся. Такое на моей памяти случается впервые. Дуэлянты, если вы считаете свою

честь удовлетворённой, то можем оставить всё как есть. Если нет, то мы можем повторить дуэль.

– Я полностью доволен результатом, – с места прокричал я.

– Я, пожалуй, тоже, – утомлённо вздохнула моя любовь, – во второй раз я такого уже не переживу.

– Тогда, поединок можно считать завершённым. Расходитесь, зеваки, все по своим рабочим местам, быстро!

Недовольно бурча что-то себе под нос, весь наш зрительный зал скоро исчез и расселся за свои рабочие места, продолжая обзванивать, звонить и перезванивать.

Мне казалось, что я никогда не смогу сделать ни одного звонка – даже своему другу. Мёртвыми, едва различавшими предметы вокруг себя глазами, я посмотрел на своё соперницу. Оказалось, что она уже долго смотрит на меня. Ну и что нам было делать дальше?!

В следующую секунду уголки моих губ приподнялись и против моей воли издали издевающийся смешок. Сразу после этого, впервые за всё время, улыбнулась и она. А затем, мы оба уже не могли сдержать смеха, заражая им всё вокруг.

В тот день мы не вышли на работу. Мы сразу пошли на кухню. Она сидела на столе с пряником, а я стоял перед ней с чашкой кофе в руках

– Что мы будем делать? – спросил я.

– Не знаю, – она развела руками, – а ты что предлагаешь?

– Как насчёт встретиться на выходных? Выпить кофе или

чего другого?

– Знаешь, а я не против.

– Я оставлю тебе свой номер телефона?

– Запиши лучше сразу мой...

Мы встретились в мире, где злодеи выходят сухими из воды, а невинные всегда оказываются крайними. Произошло это в кофейни «Утомлённое Солнце», стоявшей между главной улицей города и тупиком №5. Мы пили вместе с ней редкий и странный напиток, который из всех знакомых мне мест готовили только здесь – чай из листьев кофейного куста. Именно тогда она и сказала мне:

– Знаешь, а вообще-то, я лесбиянка, только не шокируйся сильно.

Я улыбнулся в ответ, хоть и подобные признания слышал не каждый день.

– Да я и не удивлён. Знаешь, кажется, если посмотреть с особой стороны, то я тоже лесбиянка. Так что, мы идеально подходим друг другу.

– Как две стороны монеты.

Я смутился.

– Я подумал немного о другом, но можно сказать и так.

Я познакомил её со своими друзьями. Удивительно, но они быстро нашли общий язык. Каждый день после работы мы шли вместе с ней на встречу к моим старым знакомым; и гуляли так, будто были совсем уж молодыми – чуть ли не всю ночь напролёт. А на работу потом еле приходили вове-

мя, пытаюсь сохранить зыбкий баланс, чтобы размеры штрафом не сравнялись с размерами зарплат. Нас ели можно было назвать живыми. Но к вечеру, после сотен звонков, мы приводили себя в норму (обычно, всё бывает с точностью до наоборот); и начинали всё с начала. Кто-то умудряется спать стоя или верхом; нам удалось спать с открытым ртом и бормочущим логичные и связные фразы языком.

Я был слишком пьян; и слишком невнимателен. Я уважал её чувства к девушкам и холод к мужчинам. Но как вода точит камень, так и я находил в её холоде для себя тепло. И всегда был рядом с ней, хоть и знал, что между нами вряд ли забрезжит искра.

Через месяц, на выходных, когда мне выпала редкая возможность посидеть дома одному – мне сразу же захотелось рассеять всё своё одиночество и встретиться со всеми своими корешами. Я позвонил своему лучшему другу и пригласил его по старой, давно отработанной схеме.

– Конечно, брат, – ответил он.

И добавил:

– Слышь, – от чего-то мне стало не по себе, – тут это... спросить у тебя хотел. Анжела эта, с которой ты нас давно познакомил и с которой на дуэли сражался...

– Да?

– Я просто не знаю... Хотел спросить у тебя: у тебя никаких планов на неё особо нет? Просто, видишь, я ничего не хочу от тебя скрывать: у нас отношения, вроде, завязались.

Но я не хочу с лучшим другом из-за бабы ссориться. Если ты против, то как бы она не нравилась мне – на цепь посажу себя и на хлеб с водой, но не буду мешать тебе.

– Да нет, – ответил я, – никаких планов. Просто нравится очень... А ты знаешь, что она лесбиянка, шлюха и извращенка?

– Конечно, – мне показалось, что я вижу, как он кивает на другом конце невидимого провода, – но она говорила мне, что ей уже всё это надоело; и она решали завязать отношения с каким-нибудь серьёзным парнем. И вот, теперь она сошлась со мной. Круто, правда?

– Да-да... Давай через час встретимся где всегда.

– Удачи, брат.

– Того же...

Через час я позвонил извиниться, что не смогу прийти; я сказал им, что у меня болит живот. И они пошли в тир; а затем и в бар; вместе. А я – остался один. И долго ни одному человеку не сказал и слова. Так длилось до окончания моего короткого отпуска. Я не взял в рот ни капли спиртного, кофе стал разбавлять молоком и бросил курить – на этот раз, окончательно. Хотя в моём положении, обычно, наоборот – начинают. Но я решил, что со всем старым мне лучше покончить.

Я пришел на работу. За шесть часов – семь согласий. Я смертельно устал. Звоню на последний номер за сегодня и собираюсь идти домой:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте...

– Я менеджер международной компании... Звоню вам в связи с тем, что хочу пригласить вас на совершенно бесплатное мероприятие, которое пройдёт...

– Простите, я, правда, очень извиняюсь, но это не мой номер телефона.

– А владелец этого телефона близко? Вы можете передать ему трубку?

– Боюсь, но он в любом случае не сможет посетить ваше мероприятие.

– Почему?

– Владелец этого телефона – умер. Мы совсем недавно его похоронили. А телефоны – остался.

– В таком случае, извините за беспокойство и хорошего... вам вечера.

– Спасибо.

– Удачи вам.

– До свидания.

И я нажал на кнопку «Прервать линию». Моего тренера сейчас не было в офисе – её рабочий день давно закончился.

Я вышел из пустого торгового центра, который теперь даже ночью не морочились освещать. Это здание так и пахло пустым высокомерием и смертью. Проливной дождь, который давно обещали, но к которому я всё равно не приготовился – лишь дополнял тёмную картину моего побега.

Я направился к себе домой. По дороге, набрал Эльмиру и сказал ей, что завтра на работу не приду. Сказал, что не приду больше никогда. Я увольняюсь. С меня хватит.

То, что мой последний звонок был на телефон мертвеца – лишь подлило масло в огонь пожара, давно зреющего внутри меня. Но этот взрыв – был решающим. И всё же, я решил, что никому никогда не расскажу об этом. Мой последний звонок – будет моим последним секретом. Больше, я никогда не переступлю этого порога и не надену наушники, после которых так болят уши. «Гранд Опера» – прощай навсегда!

На следующее утро я решил пойти в «Утомлённое Солнце» один, выпить латте – главное, не закислять себе жизнь и желудок по мелочам. По дороге, меня всего пронзила дикая боль. Я не смог идти дальше и присел на бордюр. Мимо меня проносились машины – но я знал, что они никогда не сойдут меня. Сзади: проходили пешеходы – ну и пусть идут себе дальше.

Солнце смеялось надо мной. Небо смеялось надо мной. Весь мир коленки бил от смеха. И я смеялся над собой. Всё, что происходило со мной – во всём только я один виноват. Всё для себя я выбрал сам. И продолжаю жить. Понятие не имею, что будет дальше. Весело-то как!